

Шэнь Цзюэ переводил взгляд с меча на Тан Цзюаня и обратно. В конце концов, он со вздохом сдался:

— Это отравление, но не обычное.

В те годы, когда он попал в аптекарский дом, старейшина Си Яояо быстро понял, что из Шэнь Цзюэ лекарь никакой — он даже в подмастерьях был бесполезен. Тогда его приставили подопытным: на нем испытывали новые снадобья и яды, наблюдая за реакцией организма. Си Яояо был одержим ядами и обладал выдающимися медицинскими познаниями: он сам травил Шэнь Цзюэ, сам же его и выхаживал.

Так прошло два года. Хотя каждый раз Шэнь Цзюэ удавалось выжить, тело не могло не пострадать от постоянного воздействия гремучей смеси токсинов. В итоге все эти яды смешались в организме, превратившись в нечто невиданное, и привели к тому, что есть сейчас. Приступы случались регулярно, и это было хуже смерти.

— Честно говоря, молодой господин Тан, когда-то я был крепким парнем. Не скажу, что мог тягаться с мастерами боевых искусств, но уложить быка одним ударом кулака для меня не было проблемой, — Шэнь Цзюэ горько усмехнулся. — Мечтал найти сестру, вернуть её домой, жениться на Сяо Цуй, завести хозяйство, растить детей. Тогда бы и души моих родителей обрели покой. А теперь? Даже воду носить или дрова рубить — тяжелый труд. Не говоря уже о семье — тут бы самому с голоду не помереть, да и сестру уже не вернуть.

Шэнь Цзюэ печально вздохнул, опустив взгляд, чтобы скрыть навернувшиеся слезы, и криво усмехнулся, словно коря себя за никчемность. Тан Цзюань открыл рот, но не нашелся с ответом — он совсем не умел утешать людей.

— Неужели нет способа снять яд? — спросил он.

Шэнь Цзюэ молча покачал головой:

— Никто не знает, что это за отравка, и как её лечить. Впрочем, — он поднял голову и натянуто улыбнулся, — то, что я до сих пор жив — уже великая милость небес. По сравнению с теми, кого этот яд свел в могилу, я — счастливчик.

Это было правдой. Си Яояо славился своим искусством, но никогда не спасал людей, а если и спасал, то лишь для того, чтобы потом отравить снова. Тех, кому удалось живыми покинуть его аптекарский дом, можно было пересчитать по пальцам одной руки. В этом смысле Шэнь Цзюэ действительно повезло.

— Но как тебе удалось сбежать? Из Черного терема можно выйти только в виде трупа.

— Старейшина дал мне новый яд. Он подействовал слишком быстро, и я умер, не дождавшись противоядия. Но яд не убил меня по-настоящему, лишь ввел в состояние мнимой смерти. Когда я очнулся, то был уже на кладбище для бродяг — видимо, решив, что я мертв, они просто выбросили меня.

Действительно, только трупы и покидали Черный терем.

— Хоть я и выжил, у меня не осталось родных. Мир огромен, а я не знал, куда идти, — Шэнь Цзюэ вспоминал те тяжелые дни. — У меня не хватило духу мстить за сестру, да и страх, что в Черном тереме узнают о моем выживании, гнал меня прочь. Я скитался и просил милостыню, пока не встретил своего учителя.

— У тебя был учитель? — удивился Тан Цзюань. — Чему он тебя учил?

— Искусству гадания по пяти стихиям, — Шэнь Цзюэ развел руками. — Иначе как бы я стал предсказателем?

Ну конечно, подумал Тан Цзюань, этой профессии нужно учиться, иначе как душить народ!

— Жаль только, что на следующий день после того, как я стал его учеником, учитель скоропостижно скончался, — спокойно добавил Шэнь Цзюэ.

Что за судьба у этого человека!

— Наверное, так обрадовался новому ученику, что перебрал вина, упал в озеро и утонул.

Тан Цзюань был поражен еще больше. Неужели этот мастер не мог потратить минутку и погадать самому себе, чтобы избежать беды?

— А как же гадания? Где ты этому научился? — Тан Цзюань выразил сомнение.

— Самоучка, — с уверенностью ответил Шэнь Цзюэ, подкладывая себе каши. — Хотя учитель ушел в мир иной, его записи по геомантии сохранились.

Пусть он понимал в них через пень-колоду, но это было неважно — клиенты все равно ничего не смыслили, а заговорить им зубы было проще простого.

— М-да... Твоему учителю невероятно повезло встретить такого ученика, — заметил Тан Цзюань.

— Ничего не поделаешь! Мне же нужно на что-то жить, а с моим здоровьем это единственный способ прокормиться.

Тан Цзюань бросил на него осуждающий взгляд, и Шэнь Цзюэ поспешил оправдаться, чтобы его не приняли за мошенника и не проучили:

— Молодой господин Тан, я хоть и халтуру с предсказаниями, но никогда никому не вредил!

— Знаю. То, что ты не используешь свои сомнительные медицинские познания для лечения людей — уже благодеяние, — Тан Цзюань до сих пор помнил ту чашку чудо-зелья, от которой у

него потемнело в глазах.

Шэнь Цзюэ лишь хмыкнул про себя: умеете же вы, господин Тан, делать комплименты.

— Не скажите! Вашу рану, между прочим, вылечил я, — парировал Шэнь Цзюэ.

Тан Цзюань подавился — возразить было нечего.

— Когда выберемся отсюда, я отвезу тебя на гору Шэньян к своему учителю, возможно, он найдет способ снять яд. Это будет моей благодарностью за спасение.

— Не стоит беспокоиться. Жизнь и смерть — воля небес, не нужно идти против судьбы, — ответил Шэнь Цзюэ с легкостью. Он давно оставил надежду и хотел лишь спокойно дожить свои дни.

Тан Цзюань решил не спорить. В крайнем случае, если придется, он просто свяжет его и доставит силой.

— Если хотите отблагодарить меня, лучше сходите в лес и настреляйте дичи, — улыбнулся Шэнь Цзюэ. — Иначе боюсь, что мы умрем от голода раньше, чем выберемся.

— Договорились, — Тан Цзюань был куда увереннее в охоте, чем в кулинарии.

Последующие дни прошли в гармонии: Тан Цзюань добывал пищу, а Шэнь Цзюэ готовил. После того памятного вечера, когда у Шэнь Цзюэ случился приступ, Тан Цзюань стал беспокоиться за него еще сильнее. К тому же похолодало, а маленькая кухня совсем не защищала от ветра, поэтому Шэнь Цзюэ перенес свою кровать в комнату Тан Цзюаня, поставив её рядом с основной. Ночью Шэнь Цзюэ спал внутри, а Тан Цзюань снаружи. В конце концов, оба мужчины, чего стесняться?

Осенние пейзажи в Полумесячном ущелье были прекрасны. Шэнь Цзюэ, видевший их много лет, не замечал красоты, а вот Тан Цзюаню она была по душе. Он редко выбирался из гор, и каждый раз это были спешные дела. В этот раз ему выпал редкий шанс отдохнуть: помимо охоты и тренировок, он проводил время, прогуливаясь по долине. Жизнь текла неспешно и спокойно.

Он начал замечать, что Шэнь Цзюэ — человек весьма занятный. Возможно, из-за тяжелой судьбы и неизвестного яда в крови он жил одним днем, не забывая голову будущим. Тан Цзюань часто видел, как тот часами бездельничал в кресле у порога, греясь на солнце. Он лениво вставал только чтобы приготовить еду, а после обеда снова ложился спать. Иногда, в порыве энтузиазма, Шэнь Цзюэ отправлялся в глубь долины собирать травы, которые знал, и приносил их сушить. Делал он это не ради пользы, а просто чтобы убить время, и ему было совершенно все равно, правильно ли они сохнут.

Тан Цзюань часто видел, как вместе с травами он приносит охапки сорняков. Однажды он решил дать совет, но Шэнь Цзюэ лишь небрежно отмахнулся: раз уж принес, пусть сохнут вместе! Тан Цзюань не понимал, какой в этом прок. Шэнь Цзюэ с важным видом ответил:

— Молодой господин Тан, то, что вы не видите пользы, не значит, что её нет.

Ну ладно. Тан Цзюань промолчал, наблюдая, как Шэнь Цзюэ несколько дней переворачивает эту кучу сорняков, а когда те окончательно высохли, выкопал яму перед домом и закопал их.

...Вот это и была твоя польза?

— Ну, удобрение — это ведь тоже польза, — с самым серьезным видом заявил Шэнь Цзюэ.

Тан Цзюань лишь покачал головой. Верить тебе — себя не уважать.

<http://bllate.org/book/21261/2152853>